

Язык и социальные трансформации

Предметное поле социологии языка

Макушева Мария Олеговна – аспирантка
кафедры истории и теории социологии
РГПУ им. А. И. Герцена

E-mail: makushevam@gmail.com

Предметное поле социологии языка

Аннотация

В статье намечены перспективы кроссдисциплинарных исследований на стыке социологии и социолингвистики и дана схема анализа языковой проблематики в социологии. Цель статьи состоит в обосновании методологической значимости использования языковых данных в социологическом исследовании.

Ключевые слова: язык, речь, социолект, социальная группа, социальный статус, социальная структура, социальная практика, социализация

«Язык захватывает мир», как выразился по поводу лингвистического поворота в социогуманитарных дисциплинах философ Ричард Рорти. В первую очередь он имел в виду мир академический. И действительно, иначе как масштабным захватом (или, скажем, наводнением) этот поворот назвать было сложно. Многие дисциплины, особенно философия, культурная антропология и когнитивная психология, нашли в пространстве языковых исследований свой интерес, и наоборот: в родной предметной области отыскивали ключ к особому пониманию языковых процессов и явлений. В статье предполагается осветить специфику поворота к языку в социологии – уже отчасти состоявшегося и ещё только намечающегося в большинстве тем.

Среди ключевых идей, в контексте которых невозможно игнорировать активную роль языка в обществе, можно назвать следующие:

1. Идею о влиянии грамматической структуры и концептов естественного языка на мышление и поведение индивидов (Э. Сепир, Б. Уорф, Р. Браун, Б. Берлин, П. Кей, Э. Рош, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.).

2. Идею о социальной дифференциации языка, в соответствии с которой между языковыми и социальными переменными наблюдается не случайная, но закономерная связь (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Дж. Л. Фишер, Б. Бернштайн, Дж. Гамперц, У. Лабов, Д. Хаймс и др.).

3. Идею о языковом знаке как идеологическом феномене, отражающем исторический опыт членов группы и её социальные интересы, а также являющемся полем борьбы между социальными агентами (Ф. де Соссюр, М. М. Бахтин, М. Фуко, Р. Барт и др.).

4. Идею о дискурсе как совокупности высказываний на определенную тему, производимых социальной группой или институтом, которая организована вокруг определённого концептуального ядра; а также о дискурсивных практиках, опосредующих другие виды социальных практик (М. Пешо, Н. Фэркло, М. Лакло, Ш. Муфф и др.).

Далее будет рассмотрен ряд ключевых проблем на стыке язык – общество и сделана попытка выявить специфику поворота к языку в социологии. Будет показано, что изучение языковых фактов – не чуждая для социологии область, что она имеет свои предпосылки в теории, пусть и фигурируя в ней под разными именами. Задача – интерпретировать главные достижения социально-языкового анализа в социологическом ключе и наметить границы дисциплины «социология языка».

Определение понятий

В первую очередь дадим языку релевантное для социологии определение. Комплексное определение языка должно отражать как его главную функцию – средства общения, так и его более широкую роль в жизни общества. Итак, язык в социологии может пониматься как часть культуры общества, обеспечивающая индивидов и группы концептуальным аппаратом для передачи и интерпретации информации, а также в символическом виде репрезентирующая типичный и значимый опыт социальных субъектов.

Первое, на что нужно обратить внимание, – это вопрос о связи языка и группы его носителей. Связь социальной структуры группы, её деятельности и языка закономерно вытекает из функционального понимания языка как инструмента, подстраивающегося под общественные потребности. Эта достаточно очевидная связь подтверждается, например, так называемым феноменом неравномерности концептуализации [1]. Концептуальный аппарат группы отражает её типичный опыт и складывающиеся в процессе жизнедеятельности структурные и социально-психологические особенности социальной организации.

Очевидно также, что сложной иерархической системе социальных отношений будет сопутствовать соответствующая лингвистическая система обращений, норм вежливости и так далее.

Язык в социологии может пониматься как часть культуры общества, обеспечивающая индивидов и группы концептуальным аппаратом для передачи и интерпретации информации, а также в символическом виде репрезентирующая типичный и значимый опыт социальных субъектов.

От типичных ситуаций общения и от деятельности людей в целом, от всей суммы их опыта зависит также то, какое место в её жизни отдается языку и речевым практикам, какие типы коммуникации наиболее распространены, какой тип речевого поведения и в каких ситуациях является предпочтительным [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Не секрет, что в разных ситуациях и в разных группах общение выполняет отличные функции – от сухой передачи сведений в докладах военных до несущих исключительно эмоциональную информацию дружеских «подбадриваний» или выкриков фанатов на стадионе. Интересен с этой точки зрения феномен языка дореволюционного аристократического салона как пример кода, обеспечивающего изящную беседу как нечто самоцельное. Интересен и подростковый жаргон, который, главным образом, демонстрирует принадлежность к группе и противопоставляет его носителя «миру взрослых». То есть складывается система установок относительно языка, которая определяет, каким будет (структурно, стилистически и лексически) языковой код группы. Здесь мы видим опосредованное влияние социальной структуры на язык через уровень социальной психологии – систему установок. Так, каждая группа может быть проанализирована в связи с используемым ею языком: его функциями, стилем и концептуальным аппаратом, что может открыть для социолога много нового в её жизненном мире.

Стоит отметить, что социолингвисты и антропологи, изучающие зависимость языка от социальной структуры, используют ту же систему понятий и дихотомий, что и социологи, что упрощает теоретический синтез. В теории Дж. Фишера [5], например, речь идет о просто- и сложноорганизованных обществах, понимаемых совершенно в духе Э. Дюркгейма. Дифференцированная система статусов и ролей требует, по мнению Фишера, более сложного языка. Это связано с тем, что, в отличие от простого общества, индивиды уже не похожи друг на друга, имеют отличный социальный опыт и не могут апеллировать к общим ситуациям и значениям. Соответственно, им нужно много абстрактных понятий, которые можно комбинировать между собой, достигая конкретности. Параллели можно провести и с теориями Г. Спенсера, Ф. Тённиса и др.

Ещё одна значимая тема для анализа – это репрезентация групп в языке нормативно-ценностных систем. Тема языка как идеологического феномена изучалась множеством исследователей. Если вкратце описать их центральные положения, то можно сказать, что языковой знак и язык в целом, поскольку они опосредуют видение социальной реальности, есть арена борьбы между различными группами интересов. Каждая группа продуцирует идеологии, которые являются по сути рационализацией и натурализацией их социальных интересов.

Социолингвисты и антропологи, изучающие зависимость языка от социальной структуры, используют ту же систему понятий и дихотомий, что и социологи, что упрощает теоретический синтез.

Языковой знак и язык в целом, поскольку они опосредуют видение социальной реальности, есть арена борьбы между различными группами интересов.

Те, кому удалось зафиксировать свою идеологию в знаке, получают преимущества перед другими, так как реализуемые ими практики выглядят через призму знака легитимными.

Эти идеи мы находим, во-первых, у М. М. Бахтина, которому принадлежит определение знака как «арены идеологической борьбы» [2]; во-вторых, у Р. Барта [8, 9, 10]; в-третьих, у П. Бурдьё [11], который раскрывает механизм установления власти посредством насаждения единого языка; а также у теоретиков дискурс-анализа [12].

Многие работы, осуществлённые в русле этой проблематики, являются социологическими. Главное отличие от семиотики, также исследующей символически опосредованные практики, заключается в фокусе исследования. Семиотика рассматривает отношения между знаками, социологию же интересуют социальные отношения в связи со знаками, их фиксирующими. Причём как в статическом, так и в динамическом срезе. То есть, глядя на практику или институт, стоит задаться вопросом о том, кто, в какой ситуации и в каком значении употребляет ключевые для этой практики или института концепты? Идеология чьей группы и по каким причинам была отражена в этих концептах? Какая сфера повлияла на «словарь» интересующей нас области и почему?

Показательно одно исследование, проведённое Н. Фэркло [13]. Он рассматривает процесс развития рыночных отношений в связи с распространением маркетингового дискурса. То есть рынок подчиняет себе через ряд экономических механизмов все прочие сферы. А специфический маркетинговый дискурс, в свою очередь, подчиняет себе дискурсивные практики разнообразных общественных институтов (образование, здравоохранение, культура). Данный процесс Фэркло обозначает термином «маркетизация дискурса».

Самая обширная на данный момент область исследований связи языка и общества – это исследование вариативности языка в связи с социальной стратификацией. Дифференцированное социальное пространство порождает иные языковые отличия, нежели диалектные. В социолингвистической теории они получили название социолекта. Данное понятие относится уже не к языковой системе, но к её реализации на практике – к речи.

В исследованиях этой тематики, проводимых в рамках социолингвистики, выделяют три волны [14]. Количественные исследования первой волны были инициированы У. Лабовым в его работе о социальной стратификации английского в Нью-Йорке [15]. В фокусе интереса учёных здесь были отношения между лингвистическими вариациями и социальными категориями (класс, пол, возраст, этническая принадлежность). Вторая волна задействовала этнографические методы чтобы найти отношения между вариациями и локальной культурой.

К ней можно отнести работы Л. Милрой [16], Дж. Чешир [17]. Третья волна отталкивается от первых двух и фокусируется на социальном значении вариативности. Наибольшую известность имеет школа социолингвистики Стенфордского университета и её представители – П. Эккерт, Р. Рикфорд, Дж. Холмс. Ими предложено понимание языка как социальной практики, реализуемой разными группами в сообществе в связи с их социальной идентичностью и лояльностью нормам более широких общественных категорий [18, 19].

В рамках социологической теории речь можно определить как социальную практику, то есть, с одной стороны, как совокупность норм, регулирующих и структурирующих использование языка для различных по социальному положению субъектов; с другой стороны, как процесс такого использования, реализации уже существующей практики.

Язык в фокусе социологического исследования

В целом, изучение речи в её социальной вариативности – главная тема социолингвистики, поэтому именно здесь накоплен основной массив данных и сделан ряд интересных для социологии выводов. Отличие социологии от социолингвистики здесь опять-таки заключается в фокусе интереса исследователя. Если мы задаёмся целью проанализировать экстралингвистические факторы, влияющие на язык, то уходим в область лингвистики. Если же наша задача – глубже понять социальный феномен, обратившись к его языковой репрезентации, то это социологическое исследование с использованием данных естественного языка.

Центральный тезис направления, изучающего социальную дифференциацию языка, можно сформулировать так: языковые переменные связаны с социальными переменными и связь эта носит не случайный, но регулярный и закономерный характер. Исследования в этой сфере сосредоточивались, по большому счёту, на двух главных социальных переменных, которые, накладываясь друг на друга, образуют совокупность речевых стилей общества: социальная ситуация (контекст общения) и социальное положение говорящих. Позднее к ним добавилось особое гендерное измерение, накладывающееся на социальное положение. Если социолингвистов по большей части интересовало то, какие последствия для языка имеет социальное расслоение и различие говорящих по половому признаку, то социолог из исследования подобного материала сможет извлечь полезные данные о самой социальной структуре и жизни соответствующих групп. Для того чтобы подобный анализ стал возможен, в рамки социологии необходимо

В рамках социологической теории речь можно определить как социальную практику, то есть, с одной стороны, как совокупность норм, регулирующих и структурирующих использование языка для различных по социальному положению субъектов; с другой стороны, как процесс такого использования, реализации уже существующей практики.

Центральный тезис направления, изучающего социальную дифференциацию языка, можно сформулировать так: языковые переменные связаны с социальными переменными и связь эта носит не случайный, но регулярный и закономерный характер.

включить данные, собранные социологами, и интерпретировать в релевантном для социологии ключе сформулированные ими закономерности.

Ранее мы определили речь как совокупность норм, с одной стороны, и их реализацию на практике, с другой. Упомянутые нормы можно представить в рамках социологической теории как аспекты ролевого поведения, типичные ожидания, предъявляемые к носителю определённого статуса в определённой ситуации. Такое понимание речи через призму понятия социальной роли поможет рассмотреть её не только статично, но и как процесс, и включить в анализ не только структурные, но и ситуативные характеристики. Анализ речевых практик не может протекать иначе, чем с обращением к обоим факторам – статусу и ситуации, в которой активизируется тот или иной статус. Между языком и социальным статусом можно провести несколько параллелей. Во-первых, это система интериоризованных индивидом установок и паттернов речевого поведения, характерных для определённого участка социальной структуры. Во-вторых, это предпочтительные языковые средства для носителя данного статуса. В-третьих, это предписанное речевое поведение других в отношении носителя данного статуса.

В языковой социальной практике необходимо различать два аспекта: рутинный или привычный и стратегический. Под рутинной мы понимаем обычное, часто повторяющееся действие члена группы. Относительно нашей темы это типичные для членов группы стилистические особенности речи, концептуальный набор, грамматические конструкции, связанные с функциями общения в группе; особенности семантического наполнения ключевых концептов, связанные с типичным опытом членов группы и их социальными интересами.

Стратегические аспекты связаны с выбором между имеющимися социальными смыслами языковыми вариантами. Языковые нормы, выработанные различными группами, маркируются в соответствии со своей социальной принадлежностью. На основании этого они служат средством социальной типизации и селекции, критерием оценки агентов. Таким образом, мы можем понимать индивидуальный выбор между существующими практиками как часть более общей стратегии поведения агента. Сознательное следование престижным либо стигматизированным вариантам может пониматься как попытка присоединиться, как манифестация социальной идентичности. Стратегические аспекты в речи выводят нас на уровень социальной структуры в её субъективном измерении, то есть установок и оценок.

Для понимания функционирования языковой системы в обществе важно обратить внимание на механизм обратной связи, оказываемый языком на социальную организацию.

Опосредующим звеном между обществом и языком является поведение отдельных носителей и социальных групп. При этом обратная связь может быть прослежена на нескольких уровнях.

Синтезируя идеи об определяющей роли языка в мышлении и поведении с классическими и современными социологическими теориями, мы можем выявить следующий механизм:

- во-первых, категории и грамматические структуры естественного языка, отражающие структурную организацию и культурные особенности социальной среды, усваиваются индивидом в процессе социализации;
- во-вторых, их применение для осмысления окружающей реальности и выстраивание собственной картины мира; то есть на практике категории работают как модели восприятия, оценивания и действия;
- в-третьих, воспроизводство структурных условий социализации через поведение, структурированное языковыми категориями.

Чтобы обосновать связь языка с мышлением и поведением, нужно обратиться к огромному багажу когнитивной лингвистики и психологии [20, 21, 22, 23, 24, 25], накопленному на базе так называемой гипотезы Сепира-Уорфа [26]. Нет ничего такого в нашем сознании, чего не было в языке, – вот, пожалуй, главная мысль данного направления. Язык – это концептуальная сетка, на которую накладывается наш опыт повседневной жизни. Получаемая от внешнего мира информация интерпретируется исходя из тех понятий, которыми владеет индивид. Социологические параллели легко найти в рамках теории определения ситуации, развитой в интеракционистской школе или концепции фреймов И. Гофмана.

Индивид сталкивается с языком как с внешней по отношению к нему реальностью, как с социальным фактом (в терминологии Э. Дюркгейма). «Социальный факт» в теории учёного – это коллективное представление, которое имеет принудительный характер [27]. Оно обеспечивает преемственность и стабильность, потому что новое поколение вынуждено усваивать созданную предками систему диспозиций. А она связана с существующей системой норм и ценностей, со сложившейся социальной структурой и институтами.

От того, какими концептами пользуется человек для описания того или иного предмета, определяется его отношение и поведение относительно этого предмета, что обеспечивает сравнительную гомогенность поведения индивидов из одной социальной среды и его предсказуемость.

От того, какими концептами пользуется человек для описания того или иного предмета, определяется его отношение и поведение относительно этого предмета, что обеспечивает сравнительную гомогенность поведения индивидов из одной социальной среды и его предсказуемость.

В утверждение о том, что язык участвует в формировании опыта, включается в том числе и опыт осознания себя как социального субъекта и формирования идентичности. Применяя к себе, своим представлениям, эмоциональной сфере языковой концепт, мы вписываем себя в существующую в нашей культуре систему диспозиций и даём себе определение. Так формируется идентичность.

Здесь можно сослаться на идеи Дж. Г. Мида. В рамках интеракционистской школы была разработана концепция значимого символа [28], связанного в мидовской социально-антропологической теории со становлением человека как существа социального. Языковой знак обезличен и фиксирует общее в частном опыте. Поэтому он помогает, с одной стороны, общению и взаимопониманию разных субъектов. С другой, делает их опыт, прошедший сквозь общую сеть концептов, действительно похожим. Можно сделать вывод об определяющей роли языка в формировании и поддержании коллективной системы представлений (в том числе нормативно-ценностной системы общества), в её трансляции новым поколениям, о чём говорят, например, представители феноменологической школы П. Бергер и Т. Лукман [29], или Т. Парсонс [30], у которого культура выполняет функцию сохранения образца.

Если обратиться к веберовской социологии, то близкой к данной проблематике кажется его теория мотивации. Субъективный смысл социального действия черпается, по Веберу, из культуры. А её, в свою очередь, можно представить как совокупность концептов-конвенций, сформированных данным обществом. Например, «капитализм» – это крайне расплывчатое понятие, имеющее различные коннотации в разных социальных общностях. И поведение участников рыночного взаимодействия будет исходить из их понимания «капиталистических отношений». Соответственно, чтобы понять поведение, нужно проанализировать понятие, руководящее им.

Следует дополнить эти рассуждения синтетическими теориями Э. Гидденса [31] или П. Бурдьё [32], которые позволяют увидеть как влияние структуры, так и роль социального действия, то у нас получится замкнутый круг, переход от габитуса к практике или процесс структуризации: язык отражает существующую систему отношений в символической форме и затем, через поведение носителей, участвует в её воспроизводстве.

Можно взглянуть на проблему языка шире – попытаться рассмотреть роль языкового знака в лингвистических сферах жизни общества.

При тщательном изучении структуры любого социального института или социальной практики, становится очевидна огромная роль в них коммуникации значений, осуществляемой вербально, и ключевых понятий. О роли языка в процессе фор-

мирования социальных институтов рассуждает Дж. Р. Сёрль [33]. Социальный институт, помимо отражения в своей нормативной системе грамматических правил и семантических связей языка, требует для своего существования лингвистических компонентов. Вся культура института, его нормы, его история, его опыт фиксированы в языке. Те же идеи относительно существования социальной организации высказывали представители организационного анализа, например С. Титц, Л. Коэн, Дж. Массон [34].

Можно сказать, что большинство современных социальных институтов без соответствующих понятий просто не существуют. Поведение людей в них определяется такими понятиями, как «демократия», «капитализм», «социальная справедливость», «гибкость», «инновации», то есть является лингвистически опосредованным.

Влияние языковых феноменов на социальную жизнь станет ещё очевиднее, если задаться вопросом о том, как образуются эти ключевые для существования института понятия. Взглянув на современные социальные институты с генетической точки зрения, можно проследить, какие группы стояли у истоков их формирования. Соответственно, можно установить связь между специфическим этосом данной группы и ключевыми понятиями, лежащими в основе института, его нормативно-ценностным комплексом, зафиксированном в языке. Особенно важен этот аспект в контексте изучения социальных институтов, являющихся агентами социальной селекции.

Представляется возможным также проанализировать механизм, с помощью которого речь влияет на социальную организацию. Ранее мы сказали, что социальные отличия в речи таковы, что по ним можно идентифицировать место группы в социальной структуре. То есть социально-дифференцированные речевые практики относятся к сфере социальных различий [35]. Каждая позиция в обществе не существует сама по себе, но определена лишь по отношению к другим позициям. Это отношение выражается в знаках отличия. Целостным выражением таковых является образ жизни, который включает в себя все поведенческие проявления агентов, находящихся в сходном участке социальной структуры: практики потребления и развлечения, отношение к телу, речь и т. д.

На практике они работают не только как средства социального типизирования (отнесения агента к какой-то позиции), но и как средство селекции, в чём проявляется обратное влияние речевых практик на общество. Например, исследования Б. Бернстайна по социологии образования и сформулированная им теория образовательных неудач [36, 37] демонстрируют, как представители рабочего класса систематически отбраковываются системой образования. Будучи носителями ограни-

Большинство современных социальных институтов без соответствующих понятий просто не существуют.

ченного кода, они считаются непригодными не только и не столько потому, что их концептуальный аппарат недостаточен для овладения знаниями, но и потому, что их языковой код стигматизирован в рамках института образования, являющегося легитимным агентом социальной селекции.

Резюме

На пересечении обозначенных тем, занимающих весь комплекс социогуманитарных наук, находится проблематика социологии языка. Мы бы сформулировали её как зафиксированное в языке и речевой практике знание о социальных структурах. На первый взгляд значение этой темы чисто методологическое. Эта мысль не нова и занимала ещё основоположников антропологии. Некоторые из них рассматривали языковые исследования как основу науки о человеке, поскольку язык представляет собой звено между биологическим и социокультурным уровнями. Другие видели в лингвистике, как наиболее разработанной из всего социогуманитарного комплекса науке, образец общей методологии для исследования структуры человеческого поведения. Действительно, язык как явление, родственное любым культурным феноменам, но, в отличие от них, более доступное для анализа, может служить своего рода ключом. Он может, например, облегчить доступ к уровню практического, невербализуемого сознания, так как в языке фиксировано то же знание, что лежит в основе всей деятельности социальных субъектов.

Адаптация для социологии данных о социальном варьировании в речи помогает создать картину социальной дифференциации в её субъективном аспекте, который сложно поддаётся изучению традиционными методами.

Проблематика социологии языка – это зафиксированное в языке и речевой практике знание о социальных структурах, потому, если нас интересует состояние и перспективы развития национального языка как базовой составляющих культуры и идентичности, следует наблюдать за различными тенденциями в речи, обусловленными социальными факторами. Таким образом, речь и язык не могут игнорироваться ни общей социологической теорией, ни дисциплинами среднего уровня.

Библиографический список

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Алетейя, 2000.

Проблематика социологии языка – это зафиксированное в языке и речевой практике знание о социальных структурах.

2. Алпатов В. Н. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Издательство, 2005.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. – М.: Издательство, 1996. С. 159-206.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
6. Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «Отечественные записки». № 2, 2005. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1040>.
7. Бурдьё П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001.
8. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3, Т. 6. С. 25-48.
9. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. VII. – Социолингвистика. М., 1975.
10. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Эдиториал УРСС, 2004.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянских культур, 2004.
14. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М., 1981.
15. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.
16. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Издательство МГУ, 1979.
17. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. – М.: ИНИОН РАН, 2009.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000.
19. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательство, 1993.

20. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006.
21. Фишер Дж. Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социоллингвистика. – М., 1975.
22. Хаймс Д. Два типа лингвистической относительности // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социоллингвистика. – М., 1975.
23. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социоллингвистика. – М., 1975.
24. Титц С., Коэн Л., Массон Д. Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
25. Bernstein B. Class, codes and control. Volume I. Theoretical studies toward a sociology of language. – L.: Routledge., 2003.
26. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – L.: Rutledge, 2003.
27. Searle J. The Construction of Social Reality // Романова А. Реферативный пер. с англ. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>.